

УДК 947«192»:316.454.2

ОФИЦЕРОВА Наталья Владимировна, аспирант кафедры истории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Автор 9 научных публикаций

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В ПРОМЫШЛЕННОМ СООБЩЕСТВЕ В 1920-е ГОДЫ (на материалах Северо-Запада России)

Статья посвящена особенностям формирования двух видов социального контроля в 1920-е годы в промышленном сообществе Советской России. На основе использования оригинальных материалов немецкого путешественника анализируется советская повседневность 1920-х годов на примере коммуны.

Организованный социальный контроль, неорганизованный социальный контроль, коммуна, промышленное сообщество, новый советский человек

Особенности социального контроля в промышленном сообществе не могут быть изучены только с помощью общеисторических методов без привлечения методов истории повседневности (Alltagsgeschichte) и микроистории, позволяющим проникнуть внутрь изучаемого сообщества. Эффективность такого подхода демонстрируют работы Ш. Фицпатрик, Н.Б. Лебиной, С.Б. Ульяновой, С.В. Журавлева и др.¹

Источники, способные дать информацию о социальном контроле, можно разделить на три вида. Первая группа источников – это материалы ГПУ-ОГПУ (информационные сводки и обзоры)². Высокой информативностью обладают также выявленные и введенные автором в научный оборот материалы о дефектах³. Этот вид источников дает сведения о политических пристрастиях рабочих, демонстрируя их прямую зависимость от экономического положения людей, а также о внутренних отношениях на производстве между рабочими и администрацией. Вторая группа источников – всевозможные протоколы партийных и других заседаний на предприятиях, дающие сведения о полити-

ческих, национальных, социальных и прочих предпочтениях членов промышленного сообщества, а также о взаимоотношениях в коллективе. Третья многочисленная группа источников – так называемые «письма во власть», жалобы и доносы людей, которые руководствовались как личными целями, так и желанием донести свое мнение до руководства государства⁴.

Мощная система политического контроля в стране, складывающаяся с Октябрьской революции и гражданской войны, преследовала главную цель – формирование нового типа человека, названного Ш. Фицпатрик «homo sovietikus», лояльного к советской власти и нетерпимого к ее политическим противникам (буржуа и другим представителям бывших привилегированных сословий, религиозным деятелям, представителям мелкобуржуазных и социалистических партий), с нужными режиму представлениями о Советской власти. Однако только резолюции «сверху» и страх перед «властью имущими» не могли помочь большевикам в решении этих вопросов, особенно в период «либерального» нэпа. Необходима была прослойка людей,

объясняющих остальному населению преимущества советского строя, а также сохранивших веру в идеалы революции.

Социальный контроль можно разделить на две взаимосвязанные группы: контроль со стороны общественных организаций (организованный) и контроль со стороны своей группы (дисциплинарное пространство фабрики или завода, семья, друзья, соседи).

Организованный социальный контроль включал в себя контроль партийных, комсомольских, профсоюзных и прочих общественных организаций за всеми членами промышленного сообщества. Его главной целью становилось сохранение существующего положения вещей. Организация данного вида социального контроля строилась на дореволюционных практиках идеализированного отношения рабочих к центральной власти и их стремления к патерналистским отношениям в повседневной жизни. Это поддерживалось заимствованной с дореволюционных времен патерналистской системой государственного законодательного стимулирования и добровольной поддержки силами и средствами самих владельцев, а впоследствии администрации фабрик и заводов (жилье, фельдшерские пункты и амбулатории, библиотеки и читальни, ясли и детские сады)⁵. Предприятие предоставляло рабочему различные социальные блага, большинство которых было попросту недоступно неработающим гражданам. Считалось, что данный подход способствует сплочению коллектива.

Рабочих больше интересовали экономические, а не политические условия жизни. Забастовки всех видов, волнения на производстве чаще всего возникали из-за понижения жизненного уровня (маленькая или недостаточная заработная плата, ремонт жилищ, мемориальные услуги и т.д.), разницы в оплате труда рабочих и инженеров, технического персонала и т.п., а не из-за причин социально-политического характера⁶. В период нэпа забастовки сохранялись как способ выражения недовольства рабочих своими условиями жизни, но с каждым годом их становилось все меньше. Причинами этого являлись ужесточение и социального, и полити-

ческого контроля, постепенное превращение профсоюзов из органов защиты интересов рабочих в придаток администрации, а также постоянно усиливавшееся недоверие к представителям администрации и техническим специалистам, закончившееся судебными процессами конца 1920-х – начала 1930-х годов (дело Ленинградского судотреста 1928 года, Шахтинское дело 1928 года в Донбассе и др.).

Рабочие, провозглашенные правящим классом, испытывали ненависть и презрение к «бывшим» и интеллигенции, проявляли высокомерие к крестьянам, подобострастие к партработникам и власти, недоверие к низовым представителям власти и профсоюзам. С одной стороны, подобные настроения вызывались естественными причинами, с другой – провоцировались средствами массовой информации, политикой представителей партийного, советского и профсоюзного аппаратов.

Но повседневность опускала рабочих «с небес на землю». Провозглашаемое не совпадало с реальностью, и это порождало у рабочих чувство обделенности, заставлявшее искать конкретных «виновников» тяжелого материального положения. Нередко таковыми в их глазах становились коммунисты «от станка» и представители администрации предприятия, рабочая солидарность против власти выражалась чаще всего в пассивных конфликтах и нелегитимных способах выражения своего мнения⁷. Кроме этого, виноватыми виделись буржуа, нэпманы, а также многочисленные «бывшие», к которым сформировалось обостренное чувство классовой ненависти.

Таким образом, рабочие и управленческий аппарат фабрик и заводов постоянно находились в напряженных отношениях, были недовольны друг другом. Письма во власть, материалы дефектов ОГПУ, документы партийных организаций (особенно анонимные записки и прения) отражают данную ситуацию. Наблюдается постоянное недовольство рабочих бюрократией, кумовством, протекционизмом, грубым обращением, отрывом администрации от рабочих⁸, разницей в положении коммунистов и беспартийных, ростом привилегий и лучшими ус-

ловиями жизни ответственных работников и «спецов», отсутствием борьбы с жилищным кризисом и другими подобными проблемами⁹.

С одной стороны, в подобных письмах можно наблюдать искреннюю боль, тоску по идеалам революции, которые оказались преданными забвению, с другой – оказались задеты и корпоративные интересы рабочих. Привилегированный класс, боровшийся против царизма, проливавший кровь за победу мирового пролетариата, во времена нэпа оказался почти в тех же условиях, что и до революции. Рабочие не получили ничего, а вынуждены были наблюдать не только «жирующих нэпманов», но и спецов, и управленцев, среди которых присутствовало очень много «бывших». Это подогревало чувство классовой неприязни.

Полагаем, что отсутствие единства мнений в производственной жизни, постоянный конфликт между рабочими и представителями администраций позволили большевикам искусно манипулировать и теми, и другими.

Дисциплинарное пространство фабрики (завода) находится на стыке организованного и неорганизованного социального контроля. С одной стороны, на предприятии действовали партийные и профсоюзные организации, а с другой – существовал межличностный контроль, основанный на классовых и должностных различиях. При изучении неорганизованного социального контроля (контроля со стороны своей группы) обращает на себя внимание его постепенное ужесточение и формализация (появление различных жилищных комиссий, вмешательство коллектива в личную жизнь своих членов и т.п.). Здесь совпали политическая линия советского руководства, начинающего «форсированное наступление социализма по всему фронту», и сохраняющаяся традиция «фабрики-общины».

Сильное впечатление при рассмотрении неорганизованного социального контроля производит изучение микросоциумов, особенно студенческих и рабочих коммун, массово возникавших в крупных городах в 1920-е годы.

Рассмотрим один подобный пример, извлеченный из текстов Клауса Менерта. Немец по

национальности, Менерт, родившийся в Москве и эмигрировавший в Германию вместе с родителями еще до Первой Мировой войны, регулярно приезжал в Советскую Россию и с 1929 года публиковал свои впечатления о ней. Его работы¹⁰, интересные свежим взглядом человека из другого мира, отмечающего самые мелкие подробности жизни в СССР, представляют собой своеобразный источник, по жанру относящийся к заметкам путешественника. К. Менерт жил в студенческо-рабочей коммуне в Москве вместе с 11 молодыми людьми, объединившимися в бывшем монастыре (поскольку власть не строила новых зданий для коммун, все устраивалось, как могли). На основе дневника коммуны можно проследить практически всю жизнь коммунаров и взаимоконтроль, проникающий во все сферы жизни. Сами они пишут в дневнике о далеко не дружественной атмосфере внутри коммуны, о частых уходах из нее. Всю жизнь в коммуне организовывали различные комиссии: финансовая, хозяйственная, социально-политическая, по одежде, по гигиене. Общий бюджет коммуны и участие коммунаров в ее делах приобретали отнюдь не социалистические формы: убираться в комнатах и мыть посуду никто не хотел, поэтому им пришлось нанять домработницу¹¹. Дискуссии о всегда дефицитном бюджете велись каждый сезон. Главным вопросом бюджета оставалась экономия средств, т.к. коммунарам требовались теплая одежда, сигареты, а на еде они экономить отказывались. Контроль полностью отягчал уровень городской культуры, которая внедрялась как норма в советском государстве: все чистят зубы, моют шею и раз в неделю ходят в баню. Но сохранялись и недостатки «примитивного эгоизма»: стремление выбрать для себя лучшую еду, взять чужие гигиенические принадлежности, курение в спальнях, неумение и нежелание мужчин пользоваться утюгом¹².

Серьезный контроль осуществлялся за брачно-семейными отношениями. В 1924 году даже была принята резолюция: «Половые отношения коммунаров в первые годы существования коммуны полностью нежелательны», но это

не означало их запрета. Члены коммуны считали необходимым условием нормальной жизни открытость «половых отношений (любви)» при недопустимости флирта, «буржуазных» отношений (ухаживания) и т.п. Обсуждение различных аспектов семейно-бытовых практик переросло во вмешательство во внутреннюю жизнь пары коммунаров, которые решили развестись по инициативе мужа, а до этого поженились после бурного обсуждения о возможности брака на общем собрании коммуны. Большинство осуждало «некомсомольский поступок» мужа¹³, но далее активного порицания дело не пошло.

Коммуна в СССР должна была стать высшей формой совместной организации новых советских людей, но всевозможные перегибы, неподготовленность к их созданию, постоянное планирование всех аспектов жизни (статистика дня, общий контроль за бюджетом при отсутствии личного распоряжения деньгами), вмешательство в личную жизнь («революционизирование частной жизни») и негативное отношение к любым проявлениям любви) при сопротивлении отдельных членов, отсутствие «частного про-

странства» и возможности добровольного одиночества становились препятствиями к развитию социализма в коммунальном пространстве и причинами исчезновения коммун в 1930-е годы.

В период нэпа дореволюционные патерналистские практики социального контроля постепенно замещались новыми, советскими. После революции базой социального контроля становится коммунистическая идеология. Патриархальность мешала дальнейшему развитию общества, особенно в межличностных, семейных отношениях городских жителей.

В 1920-е годы формируются многие аспекты повседневной жизни и социального контроля, сломавшие миллионы судеб в последующие десятилетия. Стремление контролировать частную жизнь других, нелюбовь и даже ненависть к мелким и средним начальникам, презрение к «бывшим» постепенно сформировали атмосферу всеобщей слежки, недоверия друг к другу и желания занять место более удачливого товарища. Все это оправдывалось высшими идеалами всеобщего блага, которые, как мы теперь понимаем, разделяли далеко не все.

Примечания

¹ Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999; Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М., 2008; Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003; Ульянова С.Б. «То на скаку, то на боку»: Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. СПб., 2006; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008; Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. СПб., 2006.

² См., напр.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). М., 2001. Т. 1–7.

³ Офицера Н.В. ГПУ-ОГПУ в системе политического контроля в промышленном сообществе Петрограда/Ленинграда в 1920-е гг. // Вестн. СПбГУ. Сер. «История». 2008. № 4. Ч. 2. С. 84, 86.

⁴ Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998; Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997.

⁵ Поткина И.В. От социального патернализма к социальной инфраструктуре предприятия: опыт Никольской мануфактуры. Вторая половина XIX – начало XX вв. // Экономическая история. М., 2004. С. 107.

⁶ См., напр.: Государственные информационные сводки ГПУ // ЦГАИПД СПб (Централ. гос. арх. ист.-полит. документов Санкт-Петербурга). Ф. 9. Оп. 1. Д. 460. Л. 1–23; Закрытые письма секретарей губкомов // Там же. Д. 733. Л. 5–11, 33–36, 45–58.

⁷ Кочепасова Т.Ю. Политические интересы жителей городской провинции в 1920-е гг. // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 381–382.

ИСТОРИЯ

⁸ *Путерские рабочие и «диктатура пролетариата»*. Октябрь 1917 – 1929. Экономические конфликты и политический протест: сб. док. СПб., 2000. С. 366–374.

⁹ *Там же*. С. 366–374; *Материалы по дефектам* // ЦГА СПб. Ф. Р-1552. Оп. 22. Д. 198. Л. 34–41, 50–54, 58–65, 93–95; Д. 131. Л. 23–25, 30–40; *Письма во власть*. 1917–1927. С. 344–346, 352–353, 387–388, 419–420, 566–567.

¹⁰ *Berichte aus der Sowjetunion*. Schömberg, 1982; *Die Sowjetunion. 1917–1932*. Königsberg; *Der Sowjetmensch: Versuch eines Porträts nach 12 Reisen in der Sowjetunion. 1929–1957*. Stuttgart, 1958.

¹¹ *Mehnert K.* Die Jugend in Sowjetrussland. Berlin, 1932. С. 231.

¹² *Ibid.* P. 234, 237.

¹³ *Ibid.* P. 237–238, 240–241.

Ofitserova Natalia

SOCIAL CONTROL IN THE INDUSTRIAL COMMUNITY IN THE 1920s (on the basis of the Russian North-West)

This article is devoted to the peculiarities of the two types of the social control formation in the 1920s in the Soviet Russia industrial community. The Soviet day-to-day existence of the 1920s is analyzed by the commune example on the basis of the German traveller's original materials.

*Контактная информация:
e-mail: oficernv@mail.ru*

Рецензент – *Соколова Ф.Х.*, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой регионоведения Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова